

Живу... За дочь и за сына

Матери, потерявшие детей своих, достойны орденов за мужество.

Нет таких слов, чтобы и спустя много лет окончательно высказать эту боль. Материнское сердце соткано из нее. Слушая Марию Прохоровну Шейко, еле сдерживалась, чтобы не зарыдать.

В шесть с половиной лет в Уваровичах нелепо утонула их с мужем крошка-дочка Олюшка, девчушка-куколка. А судьба писала очередной жуткий сценарий потери второго ребенка - сына. Да какого! Любимого, неповторимого, каких нет на свете...

Георгий Шейко мечтал стать фотографом-профессионалом. В школе увлекался химией, авиамоделизмом, посещал детскую киностудию. Потом окончил с отличием столичное ГПТУ-12, получил профессию фотографа. Героиней его первых портретов была мама, с пышной темной косой в пол. Сложись судьба иначе, возможно, Георгий бы как фоторепортер фиксировал в XXI веке уже в цифре динамичную хронику наших беспокойных будней. И бесспорно, делал бы впечатляющие портреты своей обаятельной, женственной и в этом возрасте мамы, которую ласково называл «мамка Марийка». Но съемки его остались в черно-белых фотографиях быта солдат Афганской войны. Его поколения, брошенного защищать интересы тогда единой страны под названием СССР.

МАМКА МАРИЙКА

– Наша семья жила в Минске, а корни мои в Уваровичах, там проживала и мама, теперь - только сестренка. После ухода дочки Жора стал мне опорой и другом. Муж работал на предприятии оборонки,

частые командировки. Сынок старался быть рядом, помогать во всех заботах. Высокий, красивый, добрый парень. Не потому, что мой сын. Его друзья, окружение, были такими же.

Осиротев на Олечку, и он долго пребывал в нашем горе. Бывало, сидит и, как старичок, рассуждает: «Как же я один жить буду?» У одного одноклассника брат есть, у другого-сестры-близнецы... Моя мама стала говорить, чтобы подружился с какой-нибудь девчонкой, тем более что многие на него внимание обращали. Он же готовился к серьезным отношениям. Спортом увлеченно занимался, технические журналы изучал - интересовало и авиамоделирование. А как танцевал красиво!

3 марта 1981 года Георгий Шейко был призван Московским райвоенкоматом Минска в армию. В июле уже нес службу на посту № 17 на дороге Джелалабад - Кабул.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

– Где-то за полгода до трагедии мне снится сон. Иду я с распущенной своей длиннющей косой, одетая в белую, до земли, сорочку, босиком по пустыне. Ступни погружаются в песок. Все вроде ничего, но... Оборачиваюсь назад и вижу: следы мои заполняются кровью. Проснулась в истерике. Вбежала в комнату сына, зажгла свечу. У меня была боязнь его ранения. Письма постоянно писала ему и, не дожидаясь ответа, отправляла следующее. Понимала, что весточки из дома - это поддержка. Сообщала, как сложился мой день, с кем виделась.

Ребята, демобилизованные, возвращались, привозили мне вести от сыночка, его письма. Встречала как родных, угощала, помогала деньгами.

И вдруг снова повторяется тот

жуткий сон. Подумала: это же так плохо, когда такой сон снится. Молилась. Знакомые, коллеги старались поддержать, говорили: «Скоро вернется сыночек ваш». А я отвечала: «Вот когда увижу его на пороге своей квартиры, тогда и сообщу вам об этом». Все время у меня был страх за него.

Георгий служил старшим радио-телефонистом. В фотоальбоме «750 дней армейской юности», который мы смотрели с Марией Прохоровной, он запечатлен в разные дни службы. Есть и на БТР, на котором значится № 155...

ЗАБРАТЬ ЕГО ХОТЕЛА

- Фотоаппарат мы с мужем передали сыну через знакомого военного. Понимали, что в минуты передышки сможет совершенствоваться в любимой профессии.

Когда он заболел Боткина и брюшным тифом, я летала в Самарканд, в госпиталь, наивно надеясь, что смогу забрать сына на лечение в Минск. Просила, умоляла. В ответ: отслужит - вернется. Госпиталь был - палатки под открытым небом. Помню, взяла его за руки, а они такие шершавые. Поцеловала их. Он все просто пояснил: «Вода холодная, а мы все топим, чтоб ее нагреть». Недельку там побыла, купила кремы, одеколоны. Просила всех ребят беречь, поддерживать друг друга.

После меня туда полетел муж. Большие портреты сына - это работы Николая Антоновича. Он восхищался Жорой. Служили там ребята и из среднеазиатских республик Союза, горячие парни, заводные. Сын мог их примирить, найти подходящие слова. А еще он очень трепетно ко всем детям

относился, и тамошним, называл их «афганчиками». Рассказывал, что приходили к ним подростки-сироты, чья мать подорвалась на mine.

Наши парни тушенкой их угощали. Когда не было говяжьей, в банку из-под нее клали свиную, чтобы подкормить худобу...

Муж условился с одним полковником, чтобы тот, если не дай Бог что случится, по спецсвязи сообщил ему о нашем сыне. О «зорачке», условно.

ЛЮБА-ЛЮБОВЬ

- Ждала возвращения Георгия и девушка Люба, минчанка. Они были знакомы с детства. Мы, родители, дружили семьями, у них есть родственники в Гомеле. Когда не стало нашей Олечки, сынок чинил игрушки Любины... Взрослели наши дети, какой-то период совсем не виделись, так как ее отца переводили по службе в другие точки. Потом Люба послала ему письмо в Афганистан, мол, старые друзья не забываются. В общем, Любочка ждала Жору, стихи посвящала ему, отправляла в письмах с ромашками.

Я вот эту фотографию люблю. Он такой «лагодненькі» тут...

30 марта 1983 года было ровно два года службы сына. Но он хотел демобилизоваться со своими друзьями. Где-то за две недели до трагедии, получив Любины письма, сообщил, что скоро увидятся, пока только не знает: в Минске ли, Гомеле или Уваровичах?

20 апреля 1983 года Георгий Шейко ехал в составе автоколонны оформлять дембель. Накануне сдал, как и полагается, личное оружие. Ребята только отъехали от своего поста, но в районе населенного пункта Шукундурбаб провинции Лагман были обстреляны. Георгий до последнего

вздоха отражал варварское нападение, находясь в кузове грузовика. Из кабины смогли передать ему автомат, но вскоре услышали резкий крик.

«Погиб при отражении нападения противника на автомобильную колонну», «Проявил себя стойким воином, хорошо подготовленным специалистом», «Георгий Шейко награжден орденом Красной Звезды и медалью «От благодарного афганского народа» (посмертно)» - строки скупых официальных сводок о парне 20 с половиной лет.

У МОГИЛЫ.
Корынку.

Тоб памяти моеи не потребуют,
Мя отец мало о себе писал,
И только очень Вспели нашей ждал
И дни ты до неї слитал, быть может...
... Тоб памяти моеи не потребуют.

Мя не спросил, Верней, не мог спросить,
Но только я и так все понимал.
Мя жизнь любил, тебе хотелось жить!
Она ж меня то била, то ласкала.
... Мя не спросил, мог не успел спросить.

С некими вопросами смотрю ли в лицо
И как тебе отбыл я? О, Боже!
Ведь в мире еще столько много зла,
И кто же матери теперь твоей поможет!
... С некими вопросами смотрю ли в лицо.

(Апрель, вечер. 1983 г.)

**Стихотворение Любы,
посвященное Георгию**

**ВАША «ЗОРАЧКА»
ЗАКАТИЛАСЬ**

– Полковник сдержал свое

обещание моему мужу. Сообщил: ваша «зорочка» закатилась. Но Николай не воспринял это как весть о гибели сына. Думал, что ранение. Метался по квартире, сходил к соседям. Потом ему сказали, что к нам направляются представители военкомата: мужайтесь. Он пришел, налил карвалола, подал мне. Я думала, что-то с мамой.

«Не с мамой, - услышала в ответ. - Сын наш погиб...»

С той минуты все померкло. 1 мая мы получили цинковый гроб. Как жить дальше?

Люба пришла проводить с тюльпанами. Повезли сыночка в Уваровичи, похоронили рядом с Оленькой. Но как же успокоиться сердцу, которое захлебывалось от отчаяния? Некоторые люди говорили: «А ты видела, что это твой сын? Может, в том, что именуется «груз 200», вовсе не он». Другие, чтобы обнадежить, успокаивали: сынок ваш в дороге задержался, приедет скоро.

УБЕДИЛАСЬ: МОЕ ДИТЯ

- Я должна была проститься с сыном, а не с грузом 200. Муж, видя страдания, не сразу, но решился поддержать меня. Была категоричной: если не согласишься, сама это сделаю.

Николай взял необходимые приспособления, и мы в том же мае поехали на кладбище. Супруг сказал: «Я сделаю это, если только ты будешь выполнять все мои просьбы». Соглашалась со всем. Но когда вскрыли могилу и увидели гроб, ему, конечно стоило нечеловеческих усилий удержать меня. Потом увидела тело сыночка. Без никакой одежды. Не только бирка с фамилией убедила: он, но и лицо, пусть и искореженное пулями. Сынок, родненький! Муж укрыл его покрывалом. Простились.

СПАСАЕТ ВЕРА И МОЛИТВА

- Десять лет я ходила в траурной одежде, сердце было переполнено печалью. Иду с работы (трудились в тресте «Западэлектросетьстрой»), а домой ноги не несут. Направляюсь в церковь. Успокоение находила в молитве. У иконы Матери Божией стояла и словно беседовала с ней: «Только Ты, Мать, можешь понять боль мою». Приду домой и могу часами неподвижно сидеть... Благодарна Богу, что дал сил все вынести и не сойти с ума.

Одна соседка по даче спросила: «Как вы не озлобились на мир вокруг после такого?» Я не роптала на судьбу, никого не винила. Была на исповеди у священника Иоанна Хорошевича (царствие ему небесное), он сказал мне: «У вас дети, по сути, святые. Дочка - младенец, сын - воин. По вашей смерти дети должны вас встречать. А чтобы вы были достойны встречи с ними, много еще скорбей придется перенести». Простилась и с мамой, мужем. Смирилась с тем, что Люба нашла свою судьбу: у нее семья на Минщине. О всех скорбях разве расскажешь?

Жертвовала средства на храмы в Минске и Уваровичах. Переехала ближе к малой родине, в Гомель. Благодарна всем, кто заботится о памяти наших сыновей, погибших в Афганистане. В минском училище № 12 есть музейный уголок моего сына, а в Уваровичской средней школе создана экспозиция, имя Георгия увековечено на мемориале.

Когда наступает февраль, очень тяжело. Приходят ко мне ребята- афганцы вместе с Мишей Жукевичем. Он ровесник моего сына. Смотрю на них, Жорика своего представляю, каким бы он был в этом возрасте. Всем добрым людям радуюсь. Молюсь за теперешних

детей... Скоро будет 40 лет, как сынок мой ушел из дома. Навсегда.

Тамара КРЮЧЕНКО
«Гомельская праўда»